СПЕЦНАЗ | БЕРИИ

«Уникальные боевые операции, сорванные планы врагов, спасенные жизни мирных людей — за всем этим стоят бойцы спецподразделения НКВД, подчиненного лично Лаврентию Берии».

АЛЕКСАНДР ТАМОНИКОВ

УНИВЕРСАЛЬНЫЙ УБИЙЦА

Спецназ Берии. Герои секретной войны

Александр Тамоников

Универсальный убийца

«Эксмо»
2026

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Тамоников А. А.

Универсальный убийца / А. А. Тамоников — «Эксмо», 2026 — (Спецназ Берии. Герои секретной войны)

ISBN 978-5-04-257302-6

Роман о военном времени, о сложных судьбах и опасной работе неизвестных героев, вошедших в ударный состав «спецназа Берии». Июль 1945 года. Полным ходом идет Потсдамская конференция по устройству послевоенного мира. Однако не все ее участники готовы принять условия, выдвинутые СССР. Британская разведка планирует завладеть хранившимся в немецком тайнике секретным проектом «Феникс» — схемой психотропного оружия, способного подавлять волю масс. В дальнейшем наследие нацистов можно будет использовать в войне против Советского Союза. План англичан становится известен нашим спецслужбам. Группе Максима Шелестова поручено предотвратить утечку важных материалов. Оперативники прибывают в Германию и тут же оказываются… в ловушке хитроумного противника… А. Тамоников — один из самых популярных авторов в российских библиотеках. Общий тираж его книг составляет более 10 миллионов экземпляров.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-257302-6

© Тамоников А. А., 2026
© Эксмо, 2026

Содержание

Глава 1 6
Глава 2 14
Конец ознакомительного фрагмента. 16

Александр Тамоников
Универсальный убийца

© Тамоников А.А., 2026
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

Глава 1

На виллу Сталина в Нойбабельсберге Берия приехал глубоко за полночь. Работа по подготовке и, самое главное, обеспечение безопасности во время работы Потсдамской конференции целиком ложились на его плечи. Этот район почти не пострадал во время боев, но и здесь воздух был тягуч и пышен от обилия зелени, но только запахи смешались с запахом горелой кирпичной крошки и пыльцы лип. Столица Третьего рейха закономерно пала. Это была не только военная необходимость, но и величайший политический шаг. Только отгремела война, но земля еще не остыла. И даже несмотря на красивейшие багровые закаты над озером Грибницзее, чувствовалась тревога – последнее тепло перед холодом грядущей эпохи.

В кабинете, обставленном с прусской чопорностью, было душно. Иосиф Сталин, в своем привычном полувоенном френче, стоял у высокого окна, заложив руки за спину. Дым из его трубки, лежавшей в пепельнице на подоконнике, стлался по стеклу, за которым английские садовники торопливо подстригали газоны для предстоящей встречи «Большой тройки». Улыбки, рукопожатия – все как полагается.

Позади стукнула дверь, но Сталин даже не обернулся. Вождь привык, что вызываемые им к себе люди никогда не опаздывали и входили минута в минуту, следуя правилам.

– Все готово, Коба, – раздался голос Берии, единственного человека в советском правительстве, кому было дано право обращаться к Сталину на «ты», да еще по старой партийной кличке.

– Ты видишь их лица, Лаврентий? – Голос Сталина был глух и мягок. Это был голос уставшего человека, который на протяжении многих лет нес на себе тяжелый груз власти. Но в нем еще чувствовалась та металлическая нота, от которой у многих собеседников холодело в животе. – Смотрят волками. Но улыбаются.

Берия промолчал. Он подошел и встал рядом у окна. Он знал, что это не риторика.

– Они не хотят мира. – Сталин резко повернулся, и свет настольной лампы блеснул в его уставших желтоватых глазах. – Им не нужен Союз. Никогда не был нужен. Даже когда мы гнули спину под Москвой и Сталинградом, они ждали, когда мы лопнем. А теперь?

Сталин подошел к столу, взял с него исчерканную синим карандашом карту Европы и тут же отбросил ее в сторону.

– Теперь мы стоим в Берлине. Мы победили фашизм. Не они, – палец Сталина ткнул в сторону занавешенного окна, за которым угадывались английские и американские флаги, – а мы. И вот за это… – он сделал паузу, подбирая слово, – за это они ненавидят нас теперь еще больше. Вчера ненавидели за то, что мы «чужие». Завтра будут ненавидеть за наше мужество. Улыбки и рукопожатия – это маска. Под ней – звериный оскал.

В кабинете стало тихо. Где-то в парке крикнула птица, и голос ее был похож на предсмертный стон.

– Европа не простила нам нашей победы, – продолжил хозяин кабинета, медленно зашагав по ковру. – Они считают это поражением своей идеи. Дикой, живучей идеи. И помяни мое слово, Лаврентий, найдутся «лидеры»… не глупцы, а хитрые лисы… которые попытаются сорвать переговоры. Кто-то не подпишет бумагу, кто-то устроит провокацию. Им нужна наша слабость, наша растерянность. Они ждут, что от усталости мы расслабимся.

Берия чуть качнул головой, давая понять, что каждая фраза падает на благодатную почву. Он никогда не улыбался.

Сталин остановился напротив, заглянув в непроницаемые глаза всесильного наркома. Он верил Берии, потому что тот не подводил его никогда, потому что Берия совершал невозможное: он после кровавого террора, устроенного его предшественником Ежовым, в кратчайшие

сроки навел порядок в органах, он сумел организовать переброску заводов из европейской части страны на Урал, практически не прекращая производственных процессов.

– Поэтому, – голос Сталина понизился до доверительного шепота, – верить нельзя никому. Вообще никому. Ни Черчиллю с его сигарой, ни Трумэну. Абсолютно никаких иллюзий на их счет строить нельзя. Они сейчас – наши союзники по букве, но враги по сути. И ты… – Тяжелая рука легла на плечо Берии. Это была высшая степень доверия и высшая степень угрозы одновременно. – Ты обязан принять все меры, какие посчитаешь нужными, чтобы ни один их шаг, ни одно их слово, брошенное якобы в шутку, не остались без нашего «внимания». Чтобы я знал о том, о чем они сами боятся подумать, лежа в постели… Ты понял меня, Лаврентий?

– Понял, Коба, – глухо прозвучал ответ Берии. – Я все сделаю.

Сталин кивнул и вновь повернулся к окну, давая понять, что разговор окончен. Завтра с утра к веранде Цецилиенхофа начнут подъезжать автомобили с иностранными флажками на капотах. И продолжится спектакль под названием «Потсдамская конференция». Берия бесшумно вышел. Он прекрасно понимал все и без слов Сталина. Была у Берии и информация о готовящихся провокациях, об активизации западных спецслужб в Берлине. Июль 1945-го только казался мирным.

* * *

Погода в Лондоне снова испортилась. Сырой ветер гнал по набережной Темзы обрывки газет и мелкую водяную пыль. В районе Чаринг-Кросс, где викторианские фасады еще помнили времена Диккенса, но уже дышали безликой послевоенной суетой, темнел невзрачный особняк, числившийся по документам как «Британское общество культурного обмена». Под этим скучным названием скрывалась резидентура МИ-6[1], курировавшая операции в Восточной Европе.

Из дверей здания, не оглядываясь, вышел Кристофер Норман Харди – заместитель директора по специальным операциям, человек, чье фото никогда не появлялось в прессе, чья фигура не запечатлена ни на одной случайной фотографии, сделанной журналистами на различных мероприятиях правительственного или международного уровня. Высокий, сутулый, в черном драповом пальто с поднятым воротником, он был похож на университетского профессора, долго проработавшего в закрытых архивах. Лицо – вытянутое, бледное, с тяжелыми веками и тонкими, как лезвие, губами. Он держал портфель из кожи ската, пристегнутый к запястью короткой цепочкой. Правда, цепочка была скрыта от посторонних глаз рукавом одежды.

Харди свернул в переулок, где ржавые трубы и облупленные стены создавали своего рода акустический коридор, заглушавший эхо шагов. Под низким козырьком заднего входа в закрытую на ремонт кофейню «Royal Oak» его уже ждал человек по имени Гарольд Пирс. Человек с безликими чертами, какие бывают у бывших военных, перешедших в частники. Он носил дешевый твидовый костюм и кепи, из-под которого торчал обрубок сигары. Пирс не состоял в штате – такие не оставляют следов в платежных ведомостях. Он был курьером и исполнителем дел, не предназначенных для протокола. Пирс не так давно вышел в отставку в чине полковника королевской морской пехоты.

– Мистер Арчер, – как бы невзначай обронил Харди, произнося условное имя, под которым Пирса знали на этой встрече.

– Мистер Стоун, – кивнул Пирс, выдыхая дым в темноту.

[1] МИ-6 – Служба внешней разведки Великобритании.

Никаких рукопожатий. Чисто деловая встреча, и оба знали правила поведения. Харди заговорил вполголоса:

– Руководство одобрило «Вестминстерскую директиву». Работа предполагается в разных странах. Ваша миссия в Германии. – Он потянул за титановый зажим, и портфель приоткрылся на ширину пальца. – Задача – сорвать американо-советские консультации в рамках Потсдамской конференции.

Пирс не моргнул белесыми ресницами.

– Аргумент?

– Красная армия. Точнее, ее видимое присутствие. Организуешь теракт против западных делегаций. Используешь снаряжение советского образца – гранаты РГД-5, взрывчатку в трофейных ящиках, документацию на русском языке, но с ошибками, указующими на подделку. Уровень мастерства – такой, чтобы международная комиссия по расследованию этого инцидента нашла улики, но через три недели заподозрила, что Советский Союз просто подставили. К тому времени будет поздно. Переговоры будут сорваны. Обвинят Москву. Мы лишь покажем, что Старая площадь не контролирует своих генералов.

– Взрыв? – уточнил Пирс.

– Либо во время совместного приема, либо во время совместного заседания. Жертвы небольшие, исключительно для достоверности. Огонь, паника, хотя бы двое погибших из западных делегаций. Русские, американцы, французы или другие наблюдатели – непринципиально. Главное – улики, ведущие на Лубянку.

Пирс кивнул. Табачный пепел упал на его ботинок, и он чуть тряхнул ногой, чтобы сбросить его.

– Вторая часть поручения, – продолжил Харди, перейдя почти на свистящий полушепот, – архив «Феникс». Весь, целиком, из хранилища в подвале одного из зданий в Берлине. Адрес и описание вы получите позднее. Забираете оттуда десять коробок с маркировкой «А-4». Внутри – схемы психотронного генератора Веллера-Шольца. Это серьезная конструкция, которую нам стоит изучить: излучение модифицированного сверхвысокочастотного диапазона способно подавлять волевые центры масс – страх, гнев, подчинение. Проект развалился одновременно с крахом Германии, но материалы удалось сохранить. Документацию переправите в Лондон через моего человека в Цюрихе. Транспорт – ночной поезд до Кале, затем диппочтой.

– Каковы сроки?

– Десять суток на подготовку взрыва. Архив – через сорок восемь часов. Если опоздаешь – советская контрразведка вывезет «Феникс» вглубь России, и мы уже никогда его не получим.

Пирс стряхнул столбик табака в лужу.

– Оплата?

– Ваш счет открыт в Barclays, треть сразу, остальное – по завершении дела. Условия стандартные: если вас сцапают, мы ничего не знаем. Если вы предадите и переметнетесь – мы найдем вас там, где у людей нет имен. Возьмите материалы, которые могут помочь в выполнении задания.

Харди закрыл портфель и уже отвернулся, но добавил, не оборачиваясь:

– И помните, Пирс. Никаких свидетелей. Ни в Женеве, ни в Берлине.

– Слушаюсь, сэр, – усмехнулся Гарольд, но Харди уже исчез в темноте, растворившись среди тумана.

С крыши соседнего здания, из вентиляционной шахты, ведущей в подвальное помещение, эту сцену слушал еще один человек. Он примостился на мокром рубероиде, скрючившись, чтобы не выдать себя движением. Старый армейский бинокль не понадобился – лиц он все равно не видел. Только силуэты: один – долговязый, другой – приземистый. Голоса относило

ветром, и доносились отдельные слова «теракт… Красная армия… улики… Потсдам…». И еще – странное слово: «Феникс». И обрывок фразы: «Психотронное… подавлять волю масс».

Сотрудник советской разведки, майор Второго Главного управления разведки, прикомандированный к лондонской резидентуре под легендой торгового атташе, звался Василием Серге-евичем Громовым с оперативным псевдонимом Алоиз. Он следил за Харди уже четвертый месяц, еще с тех пор, как лондонская «противолодочная» сеть засекла странную активность вокруг архивов разоружения.

Но сегодня удача подвела: направленный микрофон записал лишь невнятную какофонию – туман сыграл злую шутку, превратив согласные в шорох, а гласные в дальний лай собак. Громов расслышал главное: название операции, даты, два имени – Харди и Пирс. Лиц заказчика и исполнителя он не опознал. Долговязый стоял к нему спиной, плотный – в кепи и с сигарой.

– Черт, – выдохнул Громов в кулак, скатываясь с крыши. – Не распознал лица. Но «Феникс»… – Он потер ушибленное колено. – Это уже ниточка. Срочно в Центр. Пусть проверят Берн, Женеву и Берлин.

Разведчик бесшумно спустился по пожарной лестнице и затерялся в утреннем сумраке Лондона, так и не увидев ни сэра Кристофера Норманна Харди, ни Гарольда Пирса, ни той дьявольской схемы, что могла перевернуть ход холодной войны, – психотронного орудия подавления, способного обратить миллионы людей в покорную толпу биологических роботов.

* * *

О том, что Сталин вылетел в Берлин для участия глав государств-победителей в конференции по устройству послевоенного мира в Европе, Шелестов знал. Знал он и о том, что именно Берии была поручена организация мер безопасности. Поэтому приказ Платова срочно вылететь в Берлин Максима не удивил. Скорее насторожил, особенно некоторые слова напутствия.

– Учтите, Максим Андреевич, некоторые особенности этого задания, – говорил Платов, глядя Шелестову в глаза, как будто проверяя степень его готовности, пытаясь понять, не расслабился ли подполковник после окончания войны. – А особенности эти таковы: вам, несмотря на то что будете находиться в подконтрольной Советскому Союзу зоне Германии, все же действовать придется как на чужой территории. Берлин наводнен агентами вражеских разведок. Учтите, что бывшие союзники – это не фигура речи – это нынешний противник, сегодняшний враг. Все сотрудники советской разведки в Берлине находятся под постоянным контролем. Особенно британской разведки. Использовать их не удастся. Вы прибудете в Берлин и включитесь в работу без официальных контактов. Действовать вам придется на свой страх и риск. Обстановка там может меняться с такой быстротой, что вы не успеете даже проконсультироваться со мной, сделать звонок в Москву. Да и делать это нежелательно, потому что вы сразу расшифруете себя. А ваша ценность – в вашем инкогнито. Это ваше главное оружие и главная гарантия успеха.

– На какую информацию нам можно рассчитывать? – спокойно спросил Шелестов, сидя напротив Платова и сдерживаясь от того, чтобы не начать барабанить пальцами по столу или не взять карандаш и начать его крутить в пальцах.

– Информация следующая. – Платов посмотрел на спокойно лежащую на столе руку Шелестова. – Некто агент МИ-6 Гарольд Пирс получил задание от руководства на подготовку и проведение провокации в Потсдаме во время работы конференции. Не исключаю, что речь идет о покушении на Сталина, а возможно, и Трумэна.

– Президента США Трумэна? – удивился Шелестов. – Но ведь один из ключевых вопросов, которые запланированы для обсуждения в Потсдаме, – это участие Советского Союза в

войне с Японией. Покушение на Сталина сведет к нулю шанс нашей помощи США в этом вопросе!

– Вас это удивляет, Максим Андреевич? – Густая бровь Платова скользнула вверх, задержалась там и снова опустилась. – А вы не понимаете, что Британии как раз выгодно, чтобы Америка завязла в долгой войне на Тихом океане. Британии все выгодно, особенно если у других стран проблемы, неприятности, кризисы. Британия испокон веков предпочитает мутить воду в политическом аквариуме и ловить в этой мутной водице рыбку. Это ее внешнеполитический стиль. Поэтому диверсия, если она и запланирована, будет проведена не во время заседания, а в то время, когда лидеры стран будут находиться на своих виллах. И это еще не все. Наш разведчик зафиксировал один термин во время тайной встречи высокопоставленного сотрудника МИ-6 и агента-исполнителя – «Феникс». Что это – мы не знаем. Те крохи информации, которыми мы располагаем, позволяют делать выводы, что это какая-то тайная разработка немцев, которую довести до конца немецкие ученые не успели и за которой британцы охотятся. Только ли это схемы и чертежи, или имеется уже какое-то оборудование, мы тоже пока не знаем. Это ваша вторая не по степени важности, а просто параллельная задача. Установить, найти, не дать британской разведке получить это в свои руки. В крайнем случае уничтожить. Но только в самом крайнем.

…Самолет с группой поднялся в воздух уже через два часа после инструктажа у Платова. Буторин ворчливо оценил ситуацию, недовольно глядя в иллюминатор военного транспортника:

– Опять «найди то, не знаю что». И как в прошлый раз в Альпах – «уничтожить от греха подальше, если вывезти не удастся».

– Что поделаешь, – пожал плечами Сосновский. – Мне кажется, мир меняется. И не просто меняется, но и ускоряется, и за действиями чужой разведки успеть уже сложно, поэтому задача усложняется. Количество «известных» уменьшается, а «неизвестных» увеличивается. Такие вот теперь будут задачки!

А Борис Коган ничего не сказал. Он, не отрываясь, смотрел в иллюминатор. Самолет, низко гудя мощными моторами, шел на запад. Это была не победная прогулка. Это была работа: особая оперативная группа подполковника Шелестова летела в поверженную столицу рейха, чтобы обеспечить безопасность глав государств-победителей. Ничего себе задачка, думал Коган. Конечно, не только мы будем там заниматься этим вопросом, но все же мурашки по спине от такой ситуации. Как тогда в Тегеране в 43-м? Или в Ялте? В салоне, затянутом колючей парусиной, пахло гуталином, сухими пайками и пороховой гарью, въевшейся в обшивку за многие боевые вылеты. Шелестов что-то объяснял Буторину, и тот, соглашаясь, кивал.

Коган сидел чуть в стороне у иллюминатора и иногда мельком видел свое отражение в стекле. Ему не было и сорока, но виски уже тронула седина – наследие тяжелой довоенной работы, когда он был следователем особого отдела НКВД. Потом обвинение, арест и угроза расстрела. А еще череда трудных, порой почти невыполнимых заданий, которые за годы войны выполнила группа.

Первое время Борис с нарастающей тяжестью в душе смотрел вниз. Пока тянулась советская земля, сердце майора сжималось до такого ощущения пустоты, когда не хватает воздуха. Он видел не поля и перелески в их летней красе, а чудовищные мозаичные ребра хат сгоревших деревень, воронки от фугасок, похожие на оспу, и белые нити дорог, уходящих в никуда – туда, где еще дымились пепелища. Иногда майору чудилось, что он даже в самолете на этой высоте ощущает запах гари, который три года не выветривается из солдатских шинелей, ватников женщин, чудом сумевших уберечь малолетних детей, прокормить их в такие тяжелые годы.

Но самолет пересек невидимую границу. Польша внизу лежала такая же истерзанная, искалеченная гусеницами танков и залитая кровью, как и советская земля. А затем под крылом самолета поплыла Германия.

Коган ждал этого момента. Он ждал ощущения глухой, животной ненависти, которая жгла его летом сорок первого, осенью, когда над Москвой нависла чудовищная угроза. Он ждал от себя злорадства, которое испытывал в сорок четвертом, глядя на огонь горящих немецких городов. Но в иллюминаторе он видел уже иную картину. Внизу были города. Не крепости, не опорные пункты, а просто города с домами с черепичными крышами, аккуратными, пусть и разбитыми бомбами кварталами. По дорогам – пунктирами – двигались фигурки людей. Миллионы немцев. Их женщин, стариков, подростков, которые по недоразумению остались живы. Майор разглядел длинную колонну пленных, бредущих под конвоем наших автоматчиков. Они шли не поднимая глаз, не те гордые «германские солдаты» из кинохроники, а грязная, обезличенная масса.

И вдруг Коган понял, что он не ощущает торжества. Не было сладкого яда мести. Там, внизу, брели такие же люди. Обманутые. Оболваненные Геббельсом. Заложники того гигантского, всесокрушающего пожара, который Гитлер разжег в сердцах европейцев.

«Война закончилась», – прошептал про себя майор. Это была не фраза из сводки Совинформ-бюро, а живая, больная правда. Окончилась для всех. Для матери, потерявшей сына в уничтоженном фашистами местечке под Уманью. И для этой фрау, которая сейчас в фартуке копается в руинах своего Кёнигсберга или Дрездена. Горе, принесенное нацизмом, не имело границ – оно пропитало землю Европы насквозь. Но оставался страх: как долго еще будет терзать души это горе? Сколько лет – десятков лет – нужно, чтобы рубцы на теле человечества затянулись? И сможет ли он, майор Коган, глядя на сытого немецкого обывателя через десять лет, не вздрогнуть и не сжать кулак из-за ненависти к нему?

Легкое покачивание самолета над аэродромом Темпельхоф вернуло его в реальность. Шелестов положил на плечо Когана тяжелую ладонь:

– О чем думаешь, Боря?

– О том, Максим, что победить войну на поле боя легче, чем победить войну в душе человека.

Шелестов промолчал, только понимающе сощурил светлые глаза. Внизу уже строились аккуратные ряды потрепанных, но отмытых до блеска «студебекеров», мелькали командирские и патрульные «виллисы». Самолет коснулся бетонки. Коган последним взглядом глянул на проплывшие в стороне от аэродрома серые кварталы. Не было ни радости, ни ненависти. Была усталость от огромной, невыносимой чужой и своей боли, которую предстояло научиться помнить, но не дать ей сжечь человеческое сердце дотла. И за этой тишиной развалин начиналась работа Потсдама – работа над миром, который не должен был повторить ошибок. Не должен, но сможет ли?

Оперативники сосредоточенно молчали, пока самолет выруливал на стоянку. Четверо мужчин в неприметных костюмах, шляпах и с дорожными сумками в руках. Всего лишь четверо специалистов, четверо советских инженеров, которые прибыли в Берлин, чтобы оценивать возможность и порядок восстановления инженерной инфраструктуры города: электроснабжения, водоснабжения, городской канализации. Сейчас у трапа самолета их встретит представитель советской комендатуры, отвезет на квартиру, а потом на выделенной машине четверо инженеров начнут обследовать разрушенные сети. И наверху, и в подвалах, кабельных каналах. Много где, по «легенде», придется лазить оперативникам. А самое главное, эта «легенда» позволяет как раз лазить именно в развалинах, по подвалам и подземельям.

Майор Калинин, встречавший группу в аэропорту, не скрывал своего удивления тем, что прислали каких-то четырех инженеров, когда работы в этом направлении в Берлине было столько, что по плечу целому проектному институту. Собственно, эта работа уже и велась с

помощью уцелевших немецких специалистов. На первой стадии собирались чертежи, строительная и проектная документация, проводились работы по прокладке сетей по временной схеме. Еще четверо? Ну, значит, кому-то там, в Москве, видней, скольких посылать. Майор отвез инженеров в здание временного общежития командированных лиц, располагавшегося неподалеку от особняка межсоюзнической комендатуры в Далеме.

– Максим Андреевич, я вас сразу поселю здесь. Принято решение о том, что именно здесь будет располагаться межсоюзническая комендатура. Город поделен на четыре оккупационные зоны, в Берлин входят подразделения вооруженных сил США, Великобритании и Франции. Вам нужны контакты в магистрате Берлина? – уходя, осведомился Калинин. – Или вы хотите контактировать именно с обер-бургомистром?

– Разберемся, – улыбнулся Шелестов. – Мандат у нас есть. Начнем работать, обследовать, и если что-то понадобится, мы к вам обратимся.

То, что оперативники увидели в городе, поразило и превзошло все ожидания. Советское командование за два с небольшим месяца успело сделать так много, что это можно было назвать спасением мирного населения, спасением жизни берлинцев. Оказывается, что уже 2 мая 1945 года коменданты берлинских районов получили приказ, который был направлен на нормализацию работы медучреждений и предотвращение эпидемий в Берлине. Комендатуры обязали в самые кратчайшие сроки восстановить деятельность больниц и аптек. Обеспечить их работников продуктами, водой и топливом. Пенсионеров и недееспособных расселить по квартирам, в которых остались пригодные для жизни бытовые условия.

А собственно систему здравоохранения в Берлине санитарно-медицинские подразделения Красной армии сумели восстановить в необходимом объеме буквально за месяц. Уже в июне в городе заработало больше сотни больниц и поликлиник. Прием велся в 94 больницах для взрослых и в шести больницах для детей. Возобновили практику 11 частных клиник. Во всех районах города открылось 180 аптечных точек. Каждую советское командование оперативно обеспечило трофейными медикаментами. Сотрудники 10 станций скорой помощи начали выезжать на вызовы, в том числе к роженицам. На трофейном автотранспорте, предоставленном Красной армией, их отправляли в любой из 12 заработавших роддомов.

Но самое главное, удалось предотвратить эпидемии. В том же первом приказе комендантов районов обязали в срочном порядке выявить и изолировать в специальных стационарах всех инфекционных больных. А также провести разведку и реализовать противоэпидемиологические мероприятия в обнаруженных очагах заражения. И немедленно очистить улицы от трупов и нечистот.

Шелестов спускался по разбитым ступеням старого городского коллектора, освещая фонариком обломки кирпича, бетона и различный мусор, принесенный потоками воды. Сзади раздавались шаги Сосновского. Михаил сохранял дистанцию в несколько метров и держал в руке пистолет. Место было мрачное, грязное и вонючее.

– А трупный запах все же сохранился, – проворчал Шелестов. – Видать, под завалами еще останки людей.

– Крысы, – отозвался Сосновский. – Они тоже дохнут, но их трупы собрать труднее… Далеко еще?

– Не знаю. – Шелестов остановился и обвел стены лучом фонарика. – Наверное, уже недалеко. Там развилка сбросного канала в ливневку.

И тут впереди в темноте мелькнул луч света. Сначала еле заметно, как будто кто-то искал на полу потерянную вещь. Потом луч поднялся, ослепив «инженеров», и снова опустился к бетонному полу. Шелестов и Сосновский мгновенно выключили свои фонарики и отошли в разные стороны к стенам. В тишине стали слышны шаги, шуршание камней, а потом снова появился свет. Человек в рабочей куртке и черном берете шел с фонариком. Он сразу увидел двух

незнакомцев и остановился, направив луч фонарика в потолок, чтобы тот давал рассеянный свет и не слепил. Шелестов и Сосновский тоже включили фонари.

– Ужасное место, – произнес незнакомец по-немецки и трижды мигнул фонариком, потом еще два раза и, наконец, один раз.

– Этот тоннель стал короче на два метра и пятьдесят три сантиметра, – сказал Шелестов по-русски первую часть пароля.

– Да, разрушения, – ответил незнакомец по-русски. – Но после расчистки он станет длиннее на один метр и девять сантиметров.

– Здравствуйте! – улыбнулся Шелестов и протянул для пожатия руку. – Хорошо, что наша встреча произошла сегодня. Времени очень мало, и ваша информация для нас ключевая. Мое имя для связи и позывной Иванов. Как нам вас называть?

– Алоиз. – Разведчик подошел и пожал руку Сосновскому, а потом, стряхнув пыль с бетонного блока, уселся на него. – Уф, устал, пока добирался сюда. Около километра по тоннелям и развалинам. Но зато никакой слежки. Имейте в виду, что в городе кроме британской и американской разведки есть еще и немцы. Немцы, завербованные западными спецслужбами и работающие на них, а есть и те, кто преследует свои интересы, – нацисты. Но главный ваш противник – британская МИ-6. Я на острове зафиксировал встречу, на которой некто бывший полковник королевского флота Гарольд Пирс получил задание. Вот его фото.

Алоиз вытащил из бокового кармана куртки непромокаемый целлофановый пакет и протянул его Шелестову. На фото с разных ракурсов был запечатлен крепкий мужчина средних лет, в разной одежде и в разных местах: на теннисном корте, одетый в спортивный костюм, в костюме и шляпе, в пляжном облачении на фоне пальм, снова в костюме, но уже в ресторане.

– Второго опознать удалось, – продолжал говорить Алоиз, – точнее, есть предположение, что это был Кристофер Харди, но его личность нам ничего не дает, кроме причастности к предполагаемым событиям именно МИ-6. Пирс – диверсант со стажем, умеет вербовать помощников и выходить сухим из воды. Но в штате разведки он не состоит. Так что его поимка и разоблачение нас на британскую разведку не выведет. Тут они перестраховались. Теперь о том, что было на встрече. – И Алоиз коротко пересказал суть задачи, которая была поставлена Пирсу.

– Покушение и попытка вывезти из Германии «Феникс», – кивнул Сосновский. – Ему понадобятся две группы. Причем для второй части задания нужны немцы.

– Есть законсервированная явка. Судя по сменившемуся сигналу, встреча уже произошла. СД[2] оставила ее в последние дни войны как раз для будущих союзников. Это территория Восточного Берлина в подвалах завода «Телефункен». Завод разрушен, но я думаю, что агенты оттуда уходили, а потом вернулись, когда закончились бои и перестали греметь взрывы. Они не имели права менять адрес явки. Там кто-то должен постоянно находиться.

– Как мы с вами будем поддерживать связь? – спросил Шелестов.

– Пока никак, – покачал головой разведчик. – Я должен поработать в Берне и Женеве. Туда ведет цепочка, предполагаемый маршрут эвакуации документации по «Фениксу». Когда вернусь, то вас найду через комендатуру. Вы же здесь легально.

Разведчик поднялся и пожал руки русским «инженерам». Шелестов обратил внимание на мешки под красными от переутомления, а может, и от бессонных ночей глазами. Алоиз ушел назад, идя бодро и почти не создавая шума. Наверное, он снова должен будет пройти около километра под землей по зловонным каналам водотоков.

---

[2] СД – Служба безопасности рейхсфюрера СС (*нем.* Sicherheitsdienst des Reichsführers-SS, сокращенно SD). Это была спецслужба, которая входила в состав СС (Schutzstaffel, «охранные отряды») и являлась частью национал-социалистического государственного аппарата.

Глава 2

– Ты понимаешь, как вы рискуете? – возмутился Буторин, когда Шелестов изложил свой план. – Они посмотрят по сторонам, убедятся, что никого нет, и просто шлепнут вас. А трупы потом вытащат и бросят подальше. А лучше в канал.

– Не горячись, Витя. – Горбоносая физиономия Когана расплылась в хитрой улыбке. – Так сразу стрелять не станут. Они же не идиоты, они же понимают, что люди поехали обследовать конкретные развалины не просто так, а по плану. Значит, кто-то где-то об этом плане знал. И гибель людей свяжут прежде всего не с местом, где их нашли, а с местом, куда они направлялись изначально. А это оцепление завода, облава и улики, которые выведут советскую разведку на их след. Если стрелять и станут, то в крайнем случае. Это первое. А второе – вы-то успеете помочь, если будет опасность, ваша-то задача как раз, пока мы их отвлекаем, забраться поглубже. Может, и схватить их.

– Ладно, разберемся, – проворчал Сосновский, проверяя второй пистолет и засовывая его за спину под ремень брюк. – Решили, так давайте действовать, а то время уходит. Сейчас самый главный фактор – время. Скоро делегации начнут прибывать, а у нас «ни коня, ни воза».

Жаркое июльское солнце обжигало руины. Казалось, что горячие камни прожигают подошвы ботинок. Не только этот завод, а почти весь Берлин представлял собой груды битого кирпича, скрученной арматуры и пыли, которая стояла в воздухе мелкой, въедливой взвесью. Не лучше выглядел и завод «Телефункен»: проломленные стены цехов зияли черными провалами окон, крыша местами обвалилась, обнажив ребристые фермы перекрытий, тянущиеся к безоблачному небу. Вывороченные из земли трубы, обрывки проводов, сгоревшие автомашины – все это мешало пройти, через все это предстояло перелезать и при этом не переломать ноги, не порвать брюки.

Среди этого хаоса, там, где когда-то рождались сложные приборы, теперь царила тишина, прерываемая лишь шелестом осыпающейся штукатурки да редким звоном стекла. В воздухе пахло гарью, тленом и еще чем-то сырым, подвальным – запахом воды, скопившейся в низких местах, и холодной, бетонной гнили. В развалинах, под толщей обломков, могли прятаться те, кто не сложил оружия, – диверсанты, оставленные для специальных операций против советских военных. Вот уж действительно волки в норе, думал Шелестов, осторожно ставя ногу между камнями и с деловитым видом сверяясь со схемой, которую держал в руках.

Они с Коганом шли по широкой, заваленной щебнем аллее неторопливо, обсуждая, где мог быть проложен подземный кабель, а где находился газораспределительный пункт. Они держались открыто, даже демонстративно. Оба в поношенных, но приличных гражданских костюмах, в шляпах, с папками и планами в руках. Шелестов громко комментировал состояние коммуникаций, тыча карандашом в схему. Коган, соглашаясь, кивал, делал пометки. Со стороны они были идеально похожи на инженеров, присланных для оценки возможностей восстановления завода – водопроводных магистралей, силовых кабелей, дренажных систем.

Неуютно чувствовать себя приманкой, отвлекающим фактором, но сейчас это был самый простой и эффективный способ найти врага, подобраться к нему поближе. Сосновский и Буторин, понаблюдав за товарищами, за развалинами, незаметно проскользнули за камнями и остатками стен туда, где можно было спуститься в подвалы, местами уцелевшие, а местами засыпанные обломками конструкций. Они не шли – они скользили вдоль стен, как тени, ныряли в проломы, замирали у покореженных станин станков, ловя малейший шорох, каждое движение среди каменных завалов.

Сейчас группа приближалась с двух сторон к старому бомбоубежищу под бывшим сборочным цехом. Вход в подвал зиял черной пастью, оттуда веяло могильным холодом. Шелестов

сплюнул и, развернув схему, сделал шаг прямо к этому проему. Игра в «инженеров» заканчивалась.

– Борис Михайлович, – громко позвал он, – мне кажется, что запасной питающий кабель проходит вдоль фундамента и идет вон туда – к городской подстанции.

Коган кивнул и пошел к командиру с равнодушным видом человека, которому надоело бродить по развалинам. Он первым услышал сухой щелчок – звук, с которым взводят курок.

– Плюс! – гаркнул он условное слово, означавшее опасность, и упал между двумя блоками не до конца развалившейся кирпичной кладки. Похожий на удар хлыста выстрел резанул воздух. Пуля чиркнула по кирпичу в полуметре от головы Когана, взметнув мелкое каменное облачко. Одновременно с этим из темноты нижнего яруса полыхнули две вспышки выстрелов. Но Шелестов уже укрылся за остатками стены, бросив схемы на землю и выхватив из кобуры, спрятанной под пиджаком, пистолет. Диверсанты, прятавшиеся в засаде, ждали, но выдали себя.

Их раскусили, или просто у немцев сдали нервы.

Сосновский и Буторин опасались, но и ждали именно этого. Они были уже в нескольких метрах от разрушенного входа в подвал. Как только раздался первый выстрел, Буторин бросился в пролом, зная, что его появления там враг не ожидает. Три выстрела, короткие, хлесткие, словно удары плети, и Буторин сразу отскочил влево к стене, чтобы не попасть под выстрелы Сосновского, укрыться от встречного огня и заодно дать глазам привыкнуть к полумраку. Такую тактику они с Михаилом оговаривали заранее, и теперь Сосновский, не боясь попасть в друга и не высовываясь сам, просто сунул руку в пролом и разрядил всю обойму в темноту, стараясь посылать пули веером по всему темному пространству.

Буторин, прижавшись к камням, морщился от визга рикошетивших пуль и грохота выстрелов. Глаза уже стали различать тени. Вот метнулась фигура впереди, еще одна вдоль стены бросилась назад, упала, снова вскочила. Буторин вскинул пистолет, дважды нажал на спусковой крючок и бросился вперед, перекатился по полу и оказался у дверного проема, укрытый толстой стальной дверью. Кажется, он попал в того слева, а впереди еще двое. Сзади посыпались земля, щебень, и, выругавшись, в пролом спрыгнул Сосновский.

– Как там? – не поворачивая головы, спросил Виктор.

– Порядок, – поднимая пистолет на уровень глаз, ответил Сосновский. – Есть еще один выход… Давай на счет три!

Перестрелка с броском вперед длилась не больше семи секунд. Пороховая гарь смешалась с бетонной пылью. Из темноты донеслись сдавленный хрип и звук падающего тела. Двое немцев, одетых в штатскую одежду, остались лежать, неестественно раскинув руки, на бетонном полу. Третий, немолодой, с седыми усами и безумными глазами, выскочил было в западный коридор, но тут же был сбит с ног мощным ударом Буторина. Виктор выбил пистолет из его пальцев, развернул и, придавив коленом к земле, профессионально и жестко заломил немцу руки за спину.

– Чисто? – крикнул Шелестов, спрыгивая в пролом и подходя к пленнику.

– Чисто, – отозвался Сосновский, присев рядом с немцем. – Кто ты такой? Документы!

Приказав Буторину охранять пленного и Сосновского, начавшего допрос, Шелестов и Коган, бросив папки, быстрыми шагами – почти бегом – ринулись в обход, чтобы проверить смежные помещения и возможные другие выходы из подвала. Коган перепрыгнул через ржавый швеллер, на мгновение остановился у дыры в полу. Оттуда тянуло только сыростью и раздавался тихий плеск вонючей воды – завод был мертв.

Немец дышал тяжело, нервно облизывал губы и молчал, как будто ему все еще не верилось, что он попался, что его товарищи убиты и помощи ждать больше не от кого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.